

Дмитриев М. А. Возражения на разбор "Второго разговора" // Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. - СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. - С. 178-188.

<http://next.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-178-.htm>

М. А. ДМИТРИЕВ

Возражения на разбор "Второго Разговора"

Мы будем рассуждать, хоть логика не в моде.

А. Писарев¹.

В заключении моего "Ответа" на статью "О литературных мистификациях" я сказал, что буду возражать князю Вяземскому в таком только случае, если он вздумает опровергать некоторые пункты, решенные, по моему мнению, во "Втором разговоре". Сопротивник мой исполнил желание своего критика; почему считаю обязанностью сдержать данное слово и предлагаю публике мои возражения.

В том же "Ответе" сказано мною, что читатель легко заметит, сколь трудно мне было отвечать на пиесу князя Вяземского, заключающую в себе не доказательства, а личности; то же должен повторить и теперь, хотя отчасти по другой причине. В разборе "Второго разговора" князь Вяземский, желая затруднить своего критика, употребляет не силлогизмы, искусно составленные, и не хитросплетенные софизмы, но *особенную* хитрость, а именно: темноту языка, смешение предметов спора, запутанность периодов и вообще какой-то хаос в расположении и изъяснении, доказывающий *непривычку* к искусственному составлению речи. - Хотя князь Вяземский и сравнивает себя с Аяксом, говоря, что вызвал меня ратоборствовать на дневном свете, однако сам он все еще ратует в потемках. - "Труд будет не на моей стороне, - говорит он, - а на стороне моих читателей, если будут они иметь терпение следовать за мною!" - И я совершенно с ним в этом согласен!

Однако приступим к делу. - Князь Вяземский говорит, что он *берется не оставить в целости ни одного из литературных предложений, выставленных во "Втором разговоре", напечатанном в "Вестнике Европы"*. - Обещание немаловажное; но мы увидим, исполнил ли он как литератор то, что обещал как оскорбленный писатель.

1

Первый спорный вопрос состоял в том, *настала ли у нас пора истинной классической литературы!* - Упомянув имена Ломоносова, Дмитриева, Карамзина, Озерова и Батюшкова, я сказал, что самые современники Горация и Виргилия признали бы их произведения классическими. - Князь Вяземский, выпустив (может быть, ошибкою) имя Карамзина, говорит о прочих, что произведения их не составляют еще классической литературы; ибо "там только существует литература классическая, где *все* ее отрасли достигли до совершенной зрелости". - На сие можно бы отвечать примером, что французская литература признается в целой Европе за классическую, хотя доселе она не имеет еще *совершенной* истории, *совершенной* оригинальной эпической поэмы; ибо "Генриада" не признается таковою иностранными учеными критиками²; следственно, и во Франции, не имеющей двух важнейших *родов* словесности, не все отрасли оной достигли до совершенной зрелости; однако литература ее вообще признана классическою. - Из сего примера видно, что положение князя Вяземского не имеет прочного основания; следовательно, и основанное на нем опровержение моего мнения *уничтожается* само собою.

При сем случае нахожу приличным открыть князю Вяземскому, отчего суждения его о классической литературе столь шатки и отчего столь легко опровергать их. - Причина та, что наименование *классический* употребляет он не всегда в одном определенном значении. Иногда принимает оное в смысле *совершенства*, иногда как противоположное с *романтическим*. Лагарп в продолжении всего "Курса" дает сему выражению *первое* значение; г-жа Сталь в своем сочинении о Германии везде принимает оное во *втором* значении³. Оттого происходит, что, употребляя сей термин, оба они наверное уже знают, о чем говорят. - Различая сии два знаменования, мы находим, что в *первом* могут составлять классическую литературу только те произведения, которые отличаются изяществом; во *втором* и